

СТЕПАН ЗЛОБИН

В МИНСКОМ ЛАГЕРЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК 1941 — 1942 гг.

Предисловие и примечания автора

Публикация З. А. Прокофьевой

ЧТО И КАК Я ПИСАЛ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

На войне, будучи корреспондентом газеты Западного фронта «Красноармейская правда», я писал «Науку побеждать» — афоризмы пословичного склада («под Суворова»), относящиеся к пешему походному маршу и бою пехоты. Уже почти готова была книжечка. Но эта книжечка пропала вместе со всеми моими вещами. Писал также стихи для дивизионных газет тех частей, где бывал в командировках.

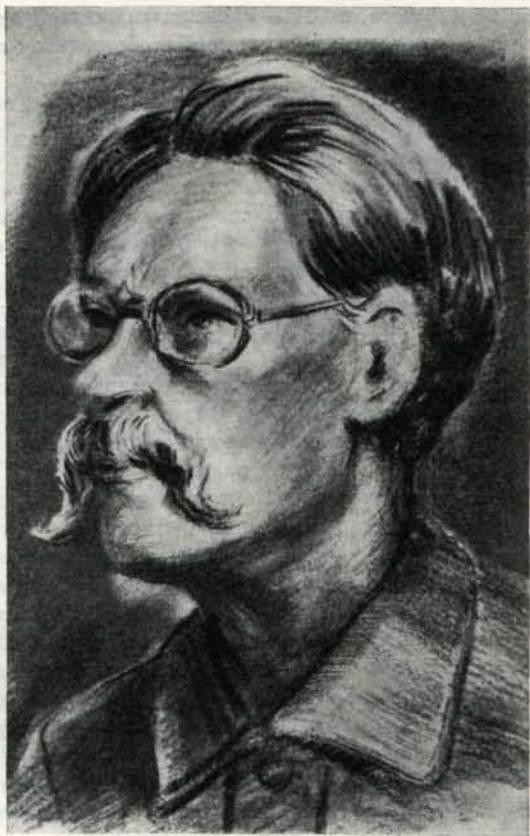
Записные книжки, из которых здесь публикуется малая часть, писаны в плену. Первую из них я начал в Минском лагере военнопленных — в лазарете, месяца два спустя после пленения, когда уже окреп и начал работать санитаром, т. е. примерно — в декабре 1941 г. Я помещался в тифозном изоляторе для лазаретного персонала, т. е. один среди 25 больных тифом, и в свободное время стал кое-что записывать. Позже в лазарете мою работу охраняли товарищи. Писал я во время ночных дежурств. В Минске же было написано несколько глав повести «Путешествие по временам и странам в поисках утраченной человечности». Позже, в Германии, мною написаны фантастическая повесть «Капитаны вселенной», «Этюды по диалектике художественной литературы», несколько произведений в стихах, много сатирических и лирических песен антифашистского содержания, которые пелись на популярные мотивы; некоторые «уходили» за сотни километров по Германии, из лагеря в лагерь.

Но главное было — публицистика, т. е. десятки брошюр политического характера, обычно — по текущему моменту, на самую острую злобу дня. Писались они почти всегда как злободневная контрагитация, в опровержение и разоблачение лжи, распространяемой гитлеровскими и власовскими газетами. Особенно это стало возможным после того, как лагерная подпольная организация установила регулярное слушание радиопередач. Но были среди этих брошюр и посвященные темам общего политического порядка. Назову некоторые из них: «Что такое гитлеровский фашизм», «Что такое власовщина», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» (о роспуске Коминтерна), «Религия — опиум для народа» (по вопросу о «союзе большевиков с церковью», о чем много писали фашисты), «Красная Армия — армия мировой революции» (ответ на власовскую статью о «новых золотопогонниках» и об отмене комиссарских званий в Красной Армии), «Люди познаются на деле» (статьи на темы морали), «Памятка беглеца» (для тех, кто идет в побег), и т. д. — десятки тем и названий. Кроме этих политических брошюр, предназначавшихся для размножения и рассылки, всё было написано моей рукой. Оригиналы же политических брошюр и прокламаций непременно уничтожались после переписки их «нейтральным» печатным почерком, которым пользовались наши лагерные переписчики.

Многие из моих поздних работ (стихи, песни, брошюры, повесть, начало второй повести, теоретические философско-литературоведческие опыты) были обнаружены в

**С. П. ЗЛОБИН —
УЗНИК ЛАГЕРЯ ЦЕЙТХАЙН**

Рисунок А. И. Пахомова
(угольный карандаш). Осень 1942 г.
Собрание А. И. Пахомова, Сочи

лагерных подпольных тайниках специальной комиссией по расследованию фашистских зверств в лагере 304-Н и затем вывезены из Германии. Но архивы оккупационных органов Советской Армии еще до конца не разобраны, и эти бумаги где-то лежат среди «дел», находящихся, как говорят архивисты, «в тюковом состоянии».

Весь материал, содержащийся в обеих записных книжках, относится ко времени с декабря 1941 г. по июль 1942 г. В июле же 1942 г. мною была составлена газета «Пленная правда». Я переписал ее в трех экземплярах, которые и разошлись по Минскому лагерю.

«Пленная правда» датирована 10 июля 1942 г., а 22 июля, по доносу старшего врача лазарета Д. И. Тарасевича, лакействующего прислужника фашистов, я был обыскан и вместе с моим другом, офицером Дементьевым, Николаем Федотовичем, с которым мы готовились в побег, арестован и отправлен в глубь Германии, в лагерь 304-Н на Эльбе. Там-то мы с Н. Ф. Дементьевым (его кличка была «Борода») сложили подпольную организацию, которая и рассылала наши злободневные брошюры далеко за пределы лагеря.

* * *

* В своем предисловии к настоящей публикации С. П. Злобин (1903—1965) рассказал о том, в каких необычных условиях он заполнял в плену записную книжку. Свой рассказ он доводит до того момента, когда в июле 1942 г. он был арестован и отправлен в глубь Германии. Здесь, в лагере 304-Н (Цейтхайн, Дрезденский округ, Саксония), начался новый этап его жизни и борьбы. Публикуя запись, сделав-

* Эта часть предисловия написана З. А. Прокофьевой. — *Ред.*

ные им до этого, в 1941—1942 гг., мы считаем необходимым коротко ознакомить читателей с последующей историей обеих его записных книжек, представленных в публикации.

Первую из них писатель, готовясь к побегу, передал на сохранение надежным товарищам по плену, которые и спрятали ее под стропилами крыши на чердаке здания, где помещался лагерный лазарет. К моменту освобождения Минска Советской Армией (3 июля 1944 г.) место, куда была спрятана книжка, оказалось забытым, но воспоминание о С. П. Злобине и об оставленной им в лагере записной книжке сохранялось в памяти военнопленных-старожилов. Ничего не зная о дальнейшей судьбе Злобина, они полагали, что после ареста он был расстрелян. Об этом, а также о существовании записной книжки они сообщили жене писателя Г. Н. Злобиной, которая предприняла ее розыски, оставшиеся, однако, безрезультатными.

Позднее, во время ремонта зданий, расположенных на территории бывшего Минского военного городка, где в годы оккупации немцы разместили лагерь военнопленных, среди строительного мусора была найдена записная книжка, явно относившаяся ко временам плена, но неизвестно кому принадлежавшая. Тогда же нашли и один уцелевший экземпляр «Пленной правды».

Нашел эти драгоценные документы ученик пятого класса одной из минских школ Юзик Валюкевич «Пленную правду» он в 1949 г. передал в Минский музей истории Великой Отечественной войны, где она и хранится в настоящее время*. А записную книжку он отнес известному белорусскому поэту Максиму Танку. Единственное указание на автора, которое М. Танк обнаружил в прочитанных им записях, было имя — «Емельян Баграмов», ничего ему не говорившее. В Союзе писателей СССР, куда он направил запрос о Баграмове, такого писателя тоже не знали. Тогда он передал записную книжку в редакцию «Нового мира», где уже было известно, что загадочная фамилия является псевдонимом Степана Злобина — к этому времени вторая его книжка, о судьбе которой рассказывается ниже, уже вернулась к своему автору.

Эту вторую записную книжку С. П. Злобин, готовясь к задуманному побегу, зашил в стенку санитарной сумки, служившей ему вещевым мешком. Ее последующая история оказалась не менее драматичной и, в конечном итоге, не менее счастливой.

После прибытия в лагерь 304-Н Злобин, по установленному в фашистских лагерях порядку, был подвергнут обыску, в результате которого сумка была у него отобрана. В дальнейшем новым его товарищам по плену удалось установить, что сумка находится в гестаповской комнате при лагерной тюрьме. Один из пленных, учитель из Мцхета К. Гагинешвили, сумел проникнуть туда — он распорол стенку сумки, извлек из тайника записную книжку и вернул ее Злобину. Однако при тех условиях, когда каждый день можно было опасаться налета лагерной полиции или обыска, держать книжку при себе было крайне рискованно. Поэтому Злобин и его товарищи по подпольной организации решили спрятать ее в надежное место. Ее зарыли в землю, где она оставалась и после того, как Злобина, незадолго до конца войны, отправили из Цейтхайна в другой лагерь, помещавшийся на территории Польши, в Лодзи.

После освобождения лагеря 304-Н советскими войсками в апреле 1945 г. записная книжка Злобина была найдена. Она попала в руки генерала Мансурова — однако имя писателя осталось ему неизвестным. По окончании войны генерал Мансуров уехал на Урал и увез с собой книжку. В 1946 г. он переслал ее в Москву, в Союз писателей СССР, надеясь, что там сумеют обнаружить ее автора. В Москве книжку передали писателю П. Гаврилову. На одном из писательских собраний он встретился со Злобиным и, зная, что тот был долгое время в плену, рассказал ему о записной книжке, которая, судя по тексту, принадлежала какому-то неизвестному Емельяну Баграмову. Вопросы, не встречал ли Злобин в лагерях человека с такой фамилией, задавать не пришлось... Так, задолго до того, как была обнаружена первая (минская) книжка, вторая вернулась к своему владельцу.

* По фотоконпии, полученной из этого музея, «Пленная правда» воспроизводится на стр. 141—144 настоящ. книги. — *Ред.*

В 1959 г. обе книжки были переданы С. П. Злобиным в Государственный Музей Революции СССР, где они и хранятся в настоящее время.

Из первой записной книжки в публикацию включены отдельные записи о плене, которыми она начинается, три стихотворения, а также прощальные письма к жене и сыну, написанные перед предполагавшимся побегом. За пределами публикации, кроме записей нелитературного характера (выписки из медицинских учебников, списки больных, находящихся в лазарете, и т. п.), остались следующие материалы: фрагменты будущей повести о враче Иване Варакине и майоре Анатолии Бурнии (они почти полностью вошли в роман «Пропавшие без вести»), поэма «Мухег и Канарик», многочисленные выписки из книг, которые Злобин читал в лагере*, а также черновой текст первых глав незавершенной повести «Тетрадь в зеленом сафьяне, или Письма из-за гроба».

Вторая книжка заполнена почти исключительно текстом этой же повести — сюда Злобиным были в перебеленном виде перенесены первые главы повести. Однако эту работу он не довел до конца — подоспел срок, намеченный для побега. Остаток чернового текста повести писатель вырвал из первой книжки (лл. 77—96) и вложил его в обложку второй книжки. В публикацию из второй книжки включены отдельные записи, которыми она открывается (в том числе короткое обращение к жене и позднейшая запись, сделанная автором уже после войны), и три отрывка из повести (из глав VI, VII и XI).

ИЗ ПЕРВОЙ КНИЖКИ

Первая ночь. Стоны. Беда, беда!

Утро: серые шинели, как кишащие кучи серых однообразных вшей. Они бесцветны и омерзительны.

Лежат шесть; понесли одного. Возвратились с пустыми носилками... Снова шесть. Положили и понесли сразу двух. Возвратились, взглянули — восемь...¹

Шутка санитаря (утром): «Кто умер — подымайте руки». Кладбищенский шут.

— Съел пайку хлеба, съел баланду и умер...

Пайка хлеба пропала!

— Отнесите меня на кладбище... Каменные сердца у вас...

Колонна не колонна — вереница на множество километров. Зеленые плащи с капюшонами. Все это похоже на средневековую процессию пилигримов. По бокам кривые березовые, еловые, можжевельниковые палки. Не хватает зажженных свечей. Головы низко опущены. Обгоняя конвой, припадают на землю отдохнуть «контрабандой», задние отстают, последние сбрасываются со счетов².

Фамилии для повести: Иван Варакин, Анатолий Бурнин — майор.

* В Минском лагере оставалась часть книг из библиотеки военного городка, которыми и имел возможность пользоваться Злобин. В книжку внесены выписки из произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Горького, Гейне, Гете, Бальзака, Золя, Мопассана, Свифта, Гегеля, Вольтера, Аддисона, Дидро, Монтескье, Руссо, Бэкона, Фихте и др.

Утеря человеческих качеств. Стремление к еде, еде, еде!!! Банки вместо котелков. Скрежет ложек 10 минут по окончании еды.

Просьба: «Дайте какую-нибудь таблетку». — «Ну не таблетку, так капли!» — имитация процесса еды.

Хлеб на баланду, баланду на хлеб. Редкостный случай: косточка, мясо. Яростная и азартная торговля.

Состояние ступора. Неподвижный осетин с тоскующим профилем, и почему-то с ним связаны строки: «Пора, брат, пора! Туда, где синее за тучей гора...» Вспомнил: с такою же неподвижностью сидит орел в зоопарке.

Последний час человека.

Самоутверждение личности криком: ай, а-я-яй, умираю! Айяй, ай-яяй! ... вашу мать, умираю же я!

Кричит надрываясь, стараясь всех разбудить, — последняя вспышка эгоцентризма.

Все разговоры вокруг еды. Как и что готовили, что ели, что бы сейчас съел, питание в армии и в колхозе, обстоятельства, при которых они очутились в плену.

— Воды! (Человек несет фляжку, набранную из водопроводного крана.)

— Три рубля.

(Пайка хлеба 100 граммов — 25 рублей, папиросы — 5 рублей.)

— Сволочи, сволочи — вы торгуете всем на свете!..³

Объекты продажи: изъеденные улиткой, затоптанные сапогами верхние капустные листья, половинка сырой картофелины; кормовая свекла — богатство, а еще большее — пшеничный концентрат.

На закурку в руках махорочника листки со стихами.

— Дай-ка прочесть.

— На закурку бумага.

— Сейчас верну, рвать не буду.

— ?!!

— Верно, верно!.. Мне только прочесть...

С удивлением дал один листок.

В глазах двоится, троится: читает стихи. «Людмила в саду Черномора» до слов: «но старый Карла был не прав».

— Ага! «Был не прав!..» Значит я буду жив, буду спасен...⁴

Тиф. В первую очередь заболевает персонал, в частности — санитары.

Санитар в бреду бросился на проволоку. Его поймали, повели назад. Шел покорно босиком по снегу. И вдруг, обманув бдительность, кинулся назад... Повис на проволоке проклятой⁵. Вот и всё — просто!

Кто был санитаром?! Академик, профессор, поэт и т. п.??

На «четырех ногах» ползет по цементному полу выбрать из кучи дезинфицированного платья свой скарб, как собака с парализованным задом.

Звериный вой два часа пролежавшего голым, пока дезинфицировали одежду:

— Ой, что ж я сделал?! Что же я сделал? В чем же я виноват?!..

— Ты из Могилевской?

— Да.

— Ну, туда тебя скоро и отправят.

Надо много мужества, чтобы оставаться в твердом своем убеждении, несмотря на постоянные, систематические утверждения о гибели нашей армии, о победе ее врагов, о голоде в нашей стране, где остались родные и близкие без помощи и заботы.

Крик во сне — дикий страшный крик на весь лагерь, тонкий, пронзительный — не стреля-а-а-ай, господин!

Мысль — этот из прохвостов. Этот не уйдет никуда.

Маленькая женщина и разудалый лихой парень типа питерского клешника с завитком на лбу, гармонист. Ушли тихо, незаметно из лагеря. На следующий день все гадали: как это они выбрались?! А нет того, чтобы просто пожелать им доброго пути — нет — «как они?» — да какое вам дело «как»? Ведь если перед вами распахнуть ворота, то вы и в открытые не уйдете. Что же гадать?!

Молодой парень (со вздохом): «Эх, трудно должно быть сейчас Сталину!»

Могила на 700 человек. Большой крест. Обкладывают дерном. Не хватает только незабудок!.. «Лежит могилевский этап», т. е. пристреленные, отставшие от этапа.

В результате желания дать меньше работы своим санитарам, несут лишь этажом ниже тех, кого завтра нести на кладбище.

Больной спер ложку мази Вишневского, продает ее: ложка — пайка хлеба. Говорят: на хлеб с солью «вкусно!» (пахнет дегтем).

Карманные и ручные часы, как валюта. Снятые камни, выемка и обмен частей...

Сапоги — валюта.

Покойник не встал по команде «смирно». Начальство — в мертвецкую, а он лежит, повернувшись задом, — дать ему 25 горячих! ⁶

Милая, родная, любимая Галка! Это еще несколько строчек к тебе, мое счастье. Детка моя, я уже здесь с сознанием, что каждую минуту должен изучать: 1) окружающее, 2) литературу, 3) собирать материалы для книги, 4) писать...

О прочитанном узнаешь, прочтя здесь же выписки из прочитанного. Читал все ночи, так как работал исключительно на ночных дежурствах.

Кроме того, всерьез занимался по теоретическим материалам психиатрией. Кое-чему обучился.

Кроме «Писем из-за гроба», написал рассказ «Мертвый дом». Но уничтожил его, сохранив лишь кусочек (в этой тетради). Работал напряженно и много. Мозгу размагничиваться не давал. Если погибну, — грустно, уж очень весь я собран и готов для интенсивной работы.

Ем. Б.⁷

ПЛАН ПРОЛОГА К «ПИСЬМАМ ИЗ-ЗА ГРОБА»

У дежурного столика. Проблема пленения и измены, ночные беседы, ополчение. Гибель культурных людей, их неумение держать себя на войне, владеть оружием.

Муки плена не раненных, не контуженных, здоровых людей.

Психология больных, ходячих.

Особая категория подлецов <...>.

Из-за них пленный не просто пленный, а покорный раб или политический преступник. Сами они холоуи.

Главный врач лазарета и холуй унтер-арпта* приходят под предлогом проверки ночью в комнату женщин. Тискают. Визг из-за двери.

К этапам: пулеметом — отбой и пулеметом — подъем. Не меньше десятка людей каждый раз убито.

Полицай с резиной.

Полицейский Иван Быков и его роль в моей жизни (а такого и не было!) ⁸.

— Где здесь лагерь перебежчиков?

— Мне надо особый паек ⁹.

Общее к разным главам (бытовое). Полицейские; розги; карцер; мена; закурка — вроде «трубки мира» — символ общего братства. Буквы на одежде. Деревянная поступь, похоже на цокот копыт. Картина кладбища.

Площадь в Вязьме. Костры, распоясанные языки.

Рассказ о побеге из плена (поэма побега).

«Ванька-повар».

Нытик Линьков тошнотворен: «Два мира всего за 300 метров; там курочки, коровки, яички, молочко... Там семейная жизнь...»

* Unterarzt — младший врач, низшее военное звание для врачей в германской армии; здесь — немецкий врач, являвшийся начальником лазарета.

Трудящиеся СССР на
борьбу за Родину со-
единяйтесь!!!

Орган свѣдѣній совѣстной части.

ДЕСЯТИДНЕВНА ГАЗЕТА БОЙЦА

Лишь тот достоин жизни и свободы,
 Кто каждый день идет за них на бой. (гётэ).

Наша правда.

Нам, пленным, терге узнать нехотят. Истина правды в лагерях сегоминимет
ане. Немецкое радио, журналы и
Кемпек-Белогарденки-Поповские
листовки "правда" и "Клич". Белогу-
Бусский министр, газета и немецкое
высшее лагерьных и госпитальных
представителей, терге из начальства
- вот затемнители правды в лагерях
и сержанты военнопленных.

Нам в нашем сознании, в наших умах
искрылись теплится искра нашей
братственности. Правды, доброты,
у нас в сердце, сердце, разных брат-
ев и сестер — даем одному матери ро-
ды. Эта наша привада, записывается
в сознании, что это — страна
побед и правды, выживает нас всех
наша земля и наш дух и становится
своей свободной.

Мы знаем - какие бы ни были
испытания, плена, голода, краво-
пролития, болезни, какие бы ус-
пехи не имела временно наша ар-
мия - конечная победа за нами.
Пленные так.

Пленение только временно выби-
ли из братских рядов. Долг ка-
ждого скорейшее возвращение к
борьбе за Отечество — вот в чем
наша неугасимая правда!

На фронтах.

[illegible]

Эта победа принадлежит Х.ТЕН, по во-
вину которых ~~тотчас~~ ^{тотчас} ~~должны~~ ^{должны} сказать
Коллегии Тирра: "сие адна тирага по-
беда и и остануе без войска!"
И. Вороненко есди.

...если и захвачен кем-
то, то путем авантюризма. Это
серьезная потеря. Вторичная была
для СССР тем, что у нас был
политический успех, но до
мало является авантюра, и
был расценен десантом, и
победна, последний будет
вторичный успех фронта.

Распознавай врага под всякой личиной.

Видя плохие успехи своей агитации среди военнопленных бойцов немецкие власти не сажали позорных дезертиров — их перебрасывали, чтобы лучше угодить своим хозяевам. Прямых указаний из руководства СССР и его берлинских кулаков выказывали советскому правительству немецкой военной информации, они как бы осмеливались высказывать намеки на то, что совет-

своим духом и словом отъ вѣснати
хотѣ прѣимати адѣкалии, лѣнати
сочувствие красной арміи, а по томъ
вкрадши въ тѣбѣ и доверіе, и на
ядом исподтишка стравить тебѣ
и мнѣ антісемітскіе прѣпѣтаніи
и советова блуду, и мнѣ обожени тѣмъ
и мнѣ прорѣзъ тѣлоу и комъ лѣнати
тебѣ, — по томъ они вѣнчати шопотомъ
вѣвреня разаблѣти брата на кин-
жолъ антісѣмитскіи словѣ, и вѣнчати
за лѣнати и вѣнчати по томъ члѣно
кѣмъ лѣнати тѣлоу тѣмъ.

«ПЛЕННАЯ ПРАВДА»

Рукописная подпольная газета, выпущенная С. П. Злобиным в Минском лагере военнопленных,
10 июля 1942 г. № 1. Первая страница

Белорусский музей истории Великой Отечественной войны, Минск

Гражданин СССР.

Это высшее знание неслышит
отца и матери и никто. Оно в роде
брате. Отца это знание можно
лишь вырвать сердце из груди.

Прежде всего враческом плану
не лишало меня человеческого
гражданства. Я остаюсь сыном мо-
ей родины и ее патриотом.

Прежде неслиханным напосыл
с которого от пленника требова-
ли бы сделать вид, что он ра-
дуются плену. В Европе это
принято уважать патриотизм
пленник противника. Немцы
тоже его уважают и уважают
он, если бы не русские хануш
провавшие пелу, совете за
кусое сахару и за тарелку
майского супа. Это мерзавцы
вышедшие германцы, что они
приобрели власть не только
над телом, но и над мыс-
лами и чувствование пленника
хлеб. Белорусы.

БЕЛОГВАРДИЙСКО-КЕМБУКОВСКИЕ
ЛАДЕН НАСКОРО ПОПРЯТАВ ПАРТИЗ-
НСКИЕ БИЛЕТЫ ВКП(б) И ИЗДАВАЮТ
ЕСТЕСТВЕННОЕ ИСКОВАНИЕ ПО ПОЗ-
ВУ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА ДА АН
ПРАВУ КЕМБУКОВ СЛУТАТЬ ПРИ ДАВ
НАШ НЕМОД, РАДИ СПАСЕНИЯ СВО-
ЕЙ ШКУРЫ Ч ЗА НАШУ ТОПЛЕ-
ЛОГО НАСЛА (КРАТКИ - ОТРАБЛЕН-
ЛОГО ЧУНАС ЖЕ) ОТРЕЧЕНИИ ОТ
ОДНОКОВ И САНЕТ ИЗМЕННИ-
ГОМ. МОРАЛЬНЫЕ ЛАДЕН ВЕЛИ-
КОГЕРМЕНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ,
ГОСПОДА НАЧАЛЬНИКОВ ПЛЕН-
НЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СВОЕ ВРЕ-
МЯ ПОЛУЧАЮТ

А пока, товарищи и братья,
основательные, помните, что
у нас было две системы,
две школы, две традиции.
Каждый
из нас в СССР и
каждый товарищ, который
работал в нем.

Пленные из Керчи.

Сознавая, что каждый имеет право на
свободу, газет и радио в ЧЕХИИ, Польшу,
Италии, Голландии, ПИЕННИХ НЕЖЕ-
НО ОБРАЩАЮТСЯ НА КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА
ПОЗЫВНИКОВ ШОШЕГО НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ. Там набо-
рывается тыл на ПИЕННИХ ИЗ ХЕРЦИ-
СТИИ, СРЕДНЕГО ЧИНА - ПИЕННИХ ИЗ ХЕРЦИ-
И СССР.

В результате первых же басов у мно-
гих товарищей тошнота. Заняло сердце
и случился пожелтый налет.
— Почему? —

Они жили в доме, где жил К. Армен-
тов, но по пути в лес, где он работал, он
всегда брал с собой...

- Машии ҳамаи дунро исмирофта!
- Бисмилла арҷи ғула!
- Ҳама...

— Наше родило се пагуба! — разда-
ли гласа и вилеги здуна пагуба-
неги и голови паники.
Дорогие товарищи!

Дорогие товарищи и друзья! От-
кажитесь крикливо к какому-то
новому политическому информативу.
Новые пленные говорят:

- Судите ли на първо време да не гледате
нашата дилема като политическа,
а по-скоро като чужда и преходна.
У нас няма истински политически

...
Потом, помню, человек ко-
торый пришел в плен за Константино-
пол, уже спрыгал с цепи. Он за-
кричал, что это Константинопол, что это
Константинопол. Он прошил, прошил
уши, в сапожках которых были
ножики!..
Потом...

Къ за вѣлка тѣт: Къ не поиди
по обѣтанѣка переводѣи. Зѣ
сѣдѣлъшѣи ишѣи просѣдѣи гѣи
ишѣи и сѣдѣи ишѣи / Къ не поиди
гѣи - гѣи гѣи гѣи / Къ не поиди
ишѣи не не поиди / Къ не поиди
тѣи измѣнишѣи / Къ не поиди
Тѣи / Къ не поиди

...и посаде в отрезанном Кресте
в 10 рзх меньше хлеба, чем в моста
Кресте, так же сгорел и абрамский
не убитых зловра.

Сейчас изобретены и Труды в старин-
ные своего предшественника.
Получил - пафоса 30 тысяч!
КП

ЗАЧЕМ ДЕЛО СТАЛО?

Вчера победа, сегодня победа, завтра по-
беда. Погода до завтра и после победы
Радуга. Победа, победа, победа. Победа
на земле и после победы. Так чело-
век германский обидел, на все зам-
кал мир, сохранил мир, отнял не
жалел собственную голову.
Хотите верить, хотите не верить —
Вой Красная Армия предана смерти,
Верхушней совет в Иркутске измучен,
Воздушный флот СССР уничтожен, ле-
ские флотилии повсюду погон-
яны, советские горы огнем рас-
топлены, советские реки наводнены
сушеными все чужеземцы и чуждыми
руками. Все подчинены и дис-
циплины в предельной совет-
ской дисциплине. Heil Hitler, хор, хор!
Но треснувший в среду армянский лод-
ка выскочил вперед, — давай
уже давно в войне нашей с немцами
все решено. Звезда над Кремлем
засияла, отдала нам свой свет.
Сам не могу по домам, давай
let doing? Зачем дело стало?

ЧТО ТАКОЕ —

АНТИСЕМИТСТВО?

Антисемитизм — это вражда
жидов с еврейскими людьми. Пере-
житое, принадлежность к самой
реакционной слои общества.
Травля евреев государственными
парасотенцами и фашистами за-
теяли и разжигают во всех стра-
нах для того, чтобы отвлечь
внимание рабочих в мо-
мент наибольшего их сосре-
щения капиталистами, от-
влечь рабочих от массовых
борьбы...
Не думай по законам СССР
Валдай антицизм направил

ХРОНИКА

— В НИЖИМ ЛАГЕРЕ с
работ ушел на волю ТУ:
НИК ТОВ IV.

— ИЗ ЛАГЕРЯ при госпитале
и из госпиталя ушла двоя:
Побор-ВЕСЕЛЫЙ инженер-директор
гармонист и танцор, как
маленькая девочка сестра
Ольга.

РЕДАКЦИЯ от души желает
вам УСПЕХА.

— Сообщают, что из городского
поселенной команды в 30.
чел, бойцами 26. Остаток 4

Работа команды из санитаров
выскакивает в нижнем лагере
на работу в халмах и в халмах.
Власть держит машину халма
работу за то, что были слышны
они не могли идти в халмах.
Халмах, дерн, в халмах
Крест "Каждый армянский чин-
бильмачинский! Гуманитар-
ный и разный мажор-

нального антагонизма
по закону карательного режима
ным заключением. Каждый
антисемит враг братства на-
радов, враг победы трудящих-
ся и воюющих — враг
Антисемитизм в среде советских
людей ведет к антигуманитар-
ности.
Не поддавайтесь провокациям
борьбы и не поддавайтесь ка-
ждо антисемитизму. Не дождется
каждый еврейский их ан-
тагонизм, не повторяйте за ними
"жид, жид, жид!" Каждый
поддавшийся этому враждеб-
ствующему враждебному
врагу СССР.
Дождитесь антисемитизма!
ту!

— Болван! Я был бы несчастнее, чем сейчас, если бы жил на пленной земле вместе с сыном и женой...

Главное я считаю для себя за эти годы (?) написать эпопею первой половины XX в. Преддверие 1905 г., японская война, революция 1905 г. (Броненосец «Потемкин»). Война 1914—1917 гг. Гражданская война. Коллективизация. Индустриализация. Борьба с троцкизмом. Вторая мировая война. Всё.

Эх, дочка моя, как бы мы с тобой работали ¹⁰.

Ем. Б.

СТИХИ

Л и р и к а

И снится ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежит в долине той...*

Л е р м о н т о в. Сон

Ты веришь в сон и в чох, в разбитые зеркала,
В возврат с пути, в прощанье чрез порог,
Боишься псов и пчел, грустишь, что отсверкала,
Что не пройти задуманных дорог
Нам об руку, плечо к плечу, как прежде,
По жимолости, ржи и лебеде
Вдоль полотна до станции: надежде
Шлагбаум спущен, путь открыт беде...
Увидимся ль? Услышимся ль? — пожалуй,
Ты выйдешь замуж, кончится война,
Сойдут потопа, отгорят пожары,
Нам возвратит Безвестность имена...
К обеду ты получишь телеграмму,
Сквозь слезы вспыхнешь, крикнешь сыну — «жив!...»
Мальчишка вскочит и обнимет маму
И голос у мальчишки задрожит...
А там, как знать... В больницах и острогах
Все верят снам... Я тоже видел сон —
Крик из-за гроба, душный хрип из морга,
Идут недели — не смолкает стон...

Ни в сон, ни в чох, ни зеркалу, ни Фрейду...
Но Лермонтов с свинцом в груди, как я,
Лежал в бреду... А ты за дымкой бреда,
Ты видишь ли, как кровь течет моя?!

«Я — полковник Шабер»

О. де Б а л ь з а к. Полковник Шабер

Победа, мир, а ты все ждешь известий,
Не устаешь на улице глядеть...
Куда как просто в поле умереть
Под куполом клубящихся созвездий,
Когда поет губительная медь,
Зовет вперед, огнем ревет о мести...
А если нет... Очнешься — тишина.

* У Лермонтова: «И снилась ей долина Дагестана;/Знакомый труп лежал в долине той...» — *Ред.*

¹⁰ Литературное наследство, т. 78, кн. вторая

Тяжелый смрад и сумрак мир объемлет...
 Ты вскрикнул... Но могила не слышна —
 Сам слушаешь, но уж не слышишь землю...
 А рядом храп и стоны мертвецов —
 В могиле братской братья молят брата:
 — Подвинься, друг, ты стиснул мне лицо...
 — Полегче, брат, нога моя прижата...
 — Проклятые, вы мне размяли грудь!
 — Ты сам мне давишь мой пробитый череп!..
 — Мой глаз течет, подвиньтесь как-нибудь!..
 И шип и шум... Кишат, как каша, черви...
 Как каша, черви хлюпают в сердцах,
 И мертвецы лежат на мертвецах...

Все шатались от слабости и шли,
 опираясь на палки, нарезанные дорогой
 на опушке леса.

Э. З о л я. Разгром

Пойди узнай — во сне иль наяву
 Мы шли тогда и падали, чтоб снова
 Встать и топтать пожелкшую траву,
 Тащась часами без души и слова...
 Холмы лежали — мертвые горбы
 Земли родимой, проданной изменой.
 Скрипели санитарные арбы...
 Мы в плен брели, чтоб не уйти из плена.
 В плащах печальных, словно гурт рабов,
 Толпой монахов, сонмом привидений
 Нас гнали в плен и павших без гробов
 Бросали воронью на поеденье...
 В ночи, не чуя одичалых тел,
 Мы жгли костры, чтоб греть гнилые раны.
 В чаду и смраде мглистый сон летел
 Сквозь душные, холодные туманы.
 Когда ж восток восходами желтел,—
 Печальных привидений караваном
 Мы дальше шли, покинув свой ночлег
 И сотню трупов выбросив с телег.

А стихов так больше и не писалось — видно, я стал с годами безнадежным прозаиком.

Эти три (правда — не плохих?!) стихотворения и есть окончательно всё, дальше писалась лишь проза. Рассказ о Варакине был закончен, потом уничтожен и превращен в заметки. Армянская поэма «Мушег и Канарик» не закончена. «Письма из-за гроба» написаны в двух вариантах. А сколько заметок не использовано!..

Дорогая моя родная Галка!

Это письмо без литературы: просто к тебе. Вот я кончил работу, которую мог сделать здесь: написал небольшую книжечку¹¹, которую в отредактированном виде захватываю с собой, а в первой редакции оставляю в этой тетрадке. Заметки все понадобятся, если останусь в живых. Останусь ли? Кто знает. Жить здесь больше не могу. Две ночи назад закончил эту тетрадку, зашил в дорожную суму рукопись — и всё. Теперь я

«ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ»

Рисунок А. И. Нахомова (карандаш). Лагерь Цейтхайн, 1943
Музей Революции СССР, Москва

готов. «Творческая командировка» в плен закончена. Пора выходить на волю. Это очень затруднено тем, что от нас скрывают обстановку фронтов, и я не знаю, в какую сторону лучше идти, в какую сторону ближе идти к фронту. Если поймают в пути — могут засечь плетью, могут застрелить, повесить, а могут, уже возвратив в лагерь, уморить в карцере. Не знаю, чем кончится мое предприятие, но ждать больше не могу: я узнал, что такое ностальгия. Прежде я не думал, что это болезнь. Это тоска по родине, но я не думал, что это в самом деле болезнь, которую нельзя преодолеть! Я тоскую и по Родине и по тебе с Налимкой. Пришел сезон. Ждать больше нечего: тепло, кусты и деревья зелены, трава достаточно высока — надо пробираться. Я еще не знаю, как я это сделаю, но день и ночь думаю только об этом.

Три дня как бросил курить, чтобы не отдавать пищу за табак и, если придется в пути голодать, то чтобы не сразу упасть от истощения. Думаю, что сейчас запаса жизненной энергии у меня хватит дней на пять-семь полного голодания. Думаю, что больше пяти-семи дней и не понадобится: попытаюсь перед побегом сделать хоть маленький запас питательных продуктов (сахару и жиров), но это очень трудно, так как сахару мы месяца два не получаем совсем, а жиры тоже надо получить обменом...

Не знаю, донесет ли кто-нибудь до тебя весть обо мне и о том, как я погиб (если погибну), но уверенность почему-то есть во мне, что буду я жив, что сам дойду, а за этой тетрадкой приеду после войны, или после возвращения Минска Красной Армией.

Как нужно сейчас попасть в СССР! Как надо сейчас работать, как нельзя оставаться бездеятельным и пленным! Это сознание мучит не только каждый час, но и каждую минуту.

Тот, кто сообщит о тетрадке, вероятно, расскажет тебе и о том, как я жил в плену и чем занимался. В Минском лагере знают меня сотни людей, прошедших через госпиталь. Я думаю, что хорошо заработал их доброе отношение. Если буду жив, то все это напишу сам. У пленных глубоко развито сознание, что я должен остаться жив, чтобы написать о страшной

эпопее плена. Думаю, что это сознание многих заставит помочь мне в побеге.

Так много видеть и пережить, как здесь за эти несколько месяцев (октябрь — июль), это переделывает всего человека. Я теперь спокойно вижу смерть, какой бы она ни была: медленная или скоростная, естественная или насильственная. Мне самому ничего не стоит сейчас зарезать или отравить человека. Могу удавить, могу рассказывать анекдот рядом с постелью агонизирующего больного... Это просто факт — и рассказывал, и слушал, и досадливо морщился — оттого, что страдальческий крик умирающего мешает разговаривать мне с приятелем...

Я думаю, что после этой собачьей школы жизни и смерти я стал бы писать лучше, чем писал раньше, и судьбе, пожалуй, стоило бы оставить меня в живых. Но... как знать...

Любимая, родная, ты сама сумеешь в «Письмах из-за могилы» отличить литературу от того, что мною обращается лично к тебе!..

Доченька, ясная моя! Я представляю себе, как труден тебе этот год, как часто ты впадаешь в отчаяние, как много работаешь, как тяжело живешь...

И я не думаю, чтобы Налик особенно исправился и причинял меньше хлопот и забот, чем раньше. Может быть, даже еще и больше... Я представляю себе, что в среде писательских жен ты не нашла никакой поддержки... Но, деточка, я не мог бежать раньше. Ведь раздетый в холодную пору не побежишь, а сегодня у нас тут стоял лишь третий день летний, не знаю — как реки? Ведь придется где-то переплыть Березину, Днепр, Десну — думаю, что теперь они уже не холодны, но раньше хоть на одну неделю, конечно, было еще невозможно переплыть их, тем более — в одежде, а ведь идти по мостам нельзя — всюду стоят немцы.

Начальник госпиталя, где я нахожусь, подлец и фашист Тарасевич, врач, приятель семьи Н. Н. Сидоренко ¹², сегодня в одном разговоре (без меня) назвал меня «ярким большевиком». Когда здесь вслух говорят такие слова начальствующим немцам, то это приводит к печальному концу. Потому мне особенно настоятельно надо заканчивать свое пребывание здесь немедленно.

Есть несколько вариантов, но все одинаково сложны. Ведь мы обнесены тремя рядами колючей проволоки и окружены пулеметами, не говоря уж о том, что сверх этого вокруг лагеря ходят часовые с винтовками, а дальше начинается путь, полный сюрпризов: дозоров, секретов, постов, засад, карательных и заградительных отрядов под ложным обликом наших партизан... А до фронта, насколько я понимаю, не меньше (а может быть и много больше) 150 километров ¹³, а ночи короткие и в ночь можно пройти не более трех часов по 5 километров = 15 — значит идти дней 10 минимум, да прибавь на всякие осложнения (обход болот, железнодорожных станций и т. п., встречи с немцами и необходимость переждать и т. д.). Итак, самое благополучное — 15 дней пути до фронта. Да еще придется выбирать место и момент перехода фронта — еще дня три-четыре. Предстоят серьезные испытания... Вот почему, заканчивая эту заметочку, я считаю должным проститься навеки с тобой и с сыном.

Дорогие, любимые мои!

Больше всего на свете хочу видеть вас, быть с вами вместе хоть два-три дня перед новой отправкой на фронт. У нас есть слух от пленных, попавших позже, что это так и делается, что пускают ненадолго домой, прежде чем зачислить в часть. Это будет самый счастливый миг в моей жизни, когда (если) я вас увижу и обниму...

«В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ»

Рисунок А. И. Пахомова (тушь). Лагерь
Цейтхайн, 1942

Музей Революции СССР, Москва

На обороте надпись художника: «В 304
лагере 93 тысячи человек так совер-
шили свой последний путь»

Я представил себе уже тысячу раз мой приход к вам и все тысячи раз я чувствовал, как сердце тревожно бьется даже от одного воображения... Боюсь, что оно просто лопнет, когда не в воображении, а реально я встречу вас.

Не упрекай меня, Галя. Я знаю, если погибну, то ты будешь жалеть, что я решился на побег, но дело в том, что если я не побегу, все равно — погибну или зимой от голода, или на этапе замерзну, или повесят по рекомендации доктора Тарасевича... Все равно это гибель. Что же сидеть и ждать ее?! Лучше не ждать, а идти. Тут может быть плюс на жизнь, мне кажется я схвачу этот счастливый номер.

А если нет — судьба. К сегодняшнему дню я уже оплакан и похоронен тобой, значит, все уже пережито, а это главное...

Прощайте, родные, любимые! Хочется жить, хочется, Галка, вместе работать, вместе растить Налимку.

Хочется участвовать в огромной жизни СССР, в победу которого я верю все время неизменно и всегда заставляю верить других. Милые, обнимаю, целую вас. Люблю вас. Весь, весь вместе с вами.

Весь ваш папка.

Как много и часто думается о том, что все могло быть совсем иначе. Не плен, а битва, не бессилие и позор, а подвиги... Если бы не мина, которой я был засыпан тогда на опушке, может быть удалось бы выйти к своим и вывести из окружения... Нет, милая, сколько бы ни было проволок на пути, я дойду. Через партизанские леса, через засады, через тысячи

невозможностей. Пусть все фашисты со своими собаками встанут на пути, я пойду! Жить еще и дальше рабом невозможно... Перед лицом этого страшного мракобесия, которое разлагает самые души советских людей, — другого выхода нет, как побег... А если пуля? Ну что ж! Она и без того может настигнуть тебя каждый день.

Если бы я был коммунистом и членом партии, то я бы и здесь нашел себе дело. Я бы даже считал, что не имею права бежать, бросая массу людей, советских граждан, на растерзание своре фашистов. Но сейчас кто-то другой, кто послан сюда партией, должен соединить распавшихся людей. Ведь их и можно объединить только силой и авторитетом партии. А что могу сделать я, «беспартийный»? Кто это мне позволит руководить, объединять? Тут один человек, которого ты знала, Ем. Баграмов, попробовал выпускать газету. Первый номер вышел несколько... *¹⁴

Может быть, даже они существуют здесь, рядом со мной, но мне не доверят... В таком-то именно случае, при таком положении и нечего ждать. Кому и зачем я здесь <нужен>? В эту трудную зиму я отдал себя по-чеховски что ли, а, может быть, и по-толстовски служению людям, но так ли, как это было нужно? Нет, не в полную мощность, а по линии наименьшего сопротивления, индивидуально обслуживая поношников, вынося ведерки с испражнениями. Конечно, это человеческий долг, но хоть я и помогал своим «личным примером», это совсем не означает, что сделал много.

Я хорошо представляю себе, что было бы нужно и *возможно* тут совершить именем партии и голосом командира. Но у меня нет права ни на то, ни на другое... Значит, я просто пленный солдат, простой пленный раб, как «варвар» у римлян и больше ничто, а это почти что ничтожество... **

Хочется сказать словечко и тебе, сын, тебе, мальчик мой. Дойдет ли оно до тебя? Трудно представить себе, что дойдет через столько проволок и столько засад, пулеметных гнезд и всяких препятствий, которые арийские «господа» устроили на пути наших мыслей и слов, обращенных друг к другу.

Сынка мой, когда ты сумеешь прочесть это письмо, — ты подрастешь и станешь сильнее и умнее. Помни, сын, Налик, что твой отец погиб тогда, когда пошел добровольно на защиту Родины. Ее всегда надо беречь и защищать, как всегда надо беречь и защищать мать. Если я погибну, то она останется под твоей защитой. Сумей защищать ее, как сумел бы беречь и защищать ее я...

Мы тут разучились улыбаться, но помним о вас, о далеких и таких родных. О вас, о вашей будущей жизни были тут все наши мысли, все думы. Мы кричали в душе вам о нашей советской Родине: «Да здравствует!» Мальчик мой маленький, когда подрастешь, то кричи во что бы ни стало: «Да здравствует!» Это кричат сильные духом. Они кричат «да здравствует» всей жизни и своей Родине даже тогда, когда сами гибнут от голода, болезней и пули. Мы тут, умирая и идя в побег, и в тифу и в бреду, любим жизнь и нашу Родину, мы кричим ей наше «Да здравствует!»

Да здравствует победа СССР! А потом настанет тишина и мир, голубое небо, и девочка или мальчик, как ты, с задумчивыми глазенками слушает на поляне музыку и забывает часто о том, что он боится неба***.

* Лист поврежден — следующая далее часть текста отсутствует. — *Ред.*

** Лист поврежден — окончание письма не сохранилось. — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто две строки текста. — *Ред.*

«РАСПРАВА»

Рисунок А. И. Пахомова (тушь).
Лагерь Цейтхайн, 1942—1943 гг.
Музей Революции СССР, Москва

ИЗ ВТОРОЙ КНИЖКИ

〈Запись на первом листе второй книжки:〉

В Союз советских писателей. Там разберутся по карточке и почерку (из плена).

Дедушка, донеси до наших ¹⁵.

Милая Галка! Родная!

Я понимаю, что эта рукопись не совершенство, а лишь материал, но из этого можно сделать то, что нужно сегодня стране.

Написав, я считаю, что пленные дела закончил. Передал еще на хранение тетрадку — копию. Когда-нибудь она до тебя дойдет. Там есть стихи для тебя.

Ем. Багратов

Дата окончания этой работы 9/VII. Пора уходить.

Это было в 1942 году. 22 июля 1942 г. по доносу старшего врача лазарета в Минске Тарасевича (из Ростова н/Д.) автор книжки Ст. Злобин был арестован гестапо и отправлен в Германию в лагерь 304-Н (Цейтхайн), где и хранилась эта тетрадь зарытой в землю. В 1945 г. передана генералу Мансурову, который переслал ее в Союз советских писателей*.

* Позднейшая запись, сделанная автором после войны. — *Ред.*

ТЕТРАДЬ В ЗЕЛЕНОМ САФЬЯНЕ,
ИЛИ ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРОБА ¹⁶

— Милое дитя, ведь вы умерли!
— Дорогой друг, немножко уме-
реть — это ведь ничего не значит.
Гейне. Путевые заметки. Книга Le Grand

... Необходимо отомстить за наше
несчастье, чтобы у нас хватило
мужества жить.

Э. Золя. Разгром

I — V

VI

Клюет и бросает и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно...

Пушкин

Неподвижность и отупение — эти косные сестры всегда лежат рядом...

Еще в товарном вагоне, где 40 человек раненых пленных занимали место восьми лошадей, перед тем проехавшихся по праву в вагоне и оставивших свой уютный запах и невинные следы на полу, — еще там Балашов не мог оторвать свой взгляд от недвижной фигуры, на которой окаменели, казалось, даже складки ее плаща. Картинность ее поражала, и рука сама тянулась к карандашу... Но нет, не тянулась — его руки еще и тогда по-старчески дрожали, в глазах двоилось, в ушах стоял гул, подобный гудению самолетов. Но все же живая окаменелость одной из пленных фигур еще и тогда просилась... скорее даже не в живопись, а в скульптуру... Этот пленный боец сидел на полу вагона, подобрав к себе ноги, плотно сжавши колени и уронив на них голову в защитной пилотке с закрытым ладонями лицом...

«Трудно представить себе человеческую фигуру компактнее и монолитней», — подумал тогда Балашов. Однообразие серо-зеленой одежды и часовая неподвижность всего существа создавала общее впечатление скульптурной окаменелости этого человека... Балашов искал название этой картине. В удачно найденном названии часто для себя самого проясняется главный смысл всей картины, основное ее содержание... «Бедствие», «Скорбь», «Плен»... — перебирал Балашов. Он тут же одернул себя за дурной вкус. Ему показалось, что от этого старомодного символизма пахнет сентиментальностью и нафталином...

Но здесь, в долгой безвестной неволе, где все, кто не умер, медленно сходят с ума — одни деревянеют, другие становятся сентиментальны. Когда придет время выйти из этой могилы, — эти последние будут способны плакать, как дети, по всякому поводу и... без всякого повода — тоже...

Но большинство впадает в другую крайность — деревянеют. Нервы их как бы атрофировались, и даже выражение их лиц, как масками, сковано каменным и недвижимым безразличием...

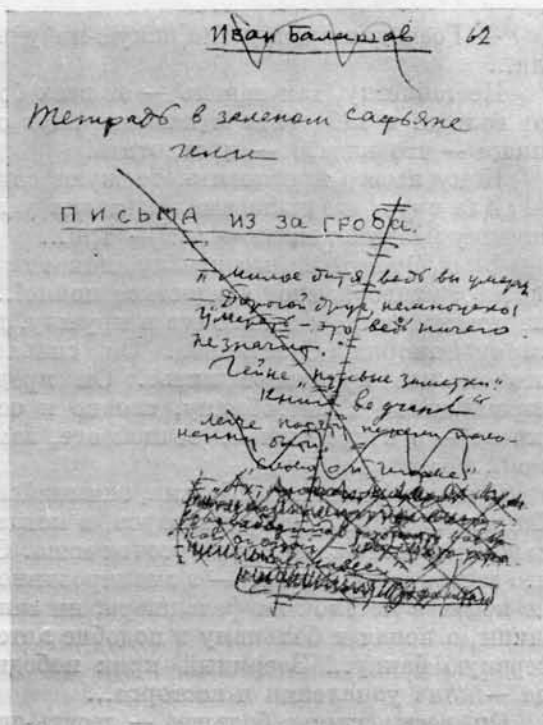
Балашов наблюдал одного осетина. Изумительно правильные и прекрасные черты его лица оставались недвижимыми по долгим часам — от еды до еды. Он полулежал, откинув назад голову, чуть приспустив веки. Но он не спал. Он глядел, хотя неизвестно, что он в то время видел, но даже, может быть, видя, он виденного не замечал... Выражение лица его было надменно и гордо от самой природы. Даже теперь могло показаться, что он из гордости не удостоивает вниманием окружающий его рабский мир опозоренных пленом серых безликих шинелей...

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА С.П.ЗЛОВИНА

Страница с титульным листом чернового текста повести «Тетрадь в зеленом сафьяне, или Письма из-за гроба»

Минский лагерь военнопленных,
1941—1942 гг.

Музей Революции СССР, Москва

При взгляде на него Балашов не раз почему-то твердил эти строки:

Клюет и бросает и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно...

И только много спустя он понял в чем дело: эта царственная по внешности, но тупая и бессильная по существу, неподвижность присуща орлам, которых не раз он видывал в зоопарке, куда любил ходить с Юркой.

Так же тупо и неподвижно сидят они в клетке часами и только в час корма жадно бросаются на еду и с униженным криком животного торжества остервенело пожирают свой кинутый палачами тюремный паек...

Кто там верит еще в орлиную гордость?!

В ней нет ничего, кроме чисто декоративного эффекта. Неподвижность и тупость нарушаются только одним жадным желанием набить свой зоб, и снова затем наступает такая же деревянная неподвижность — молчание ума и чувств...

Унижения голода, голод!

Бессильной походкой людей, которым в тяжесть собственные ноги, медленно шаркая по цементному полу, проходят люди, похожие на обтянутые пожелтелой кожей скелеты. Это всенощное паломничество в клозет. Их пища — несколько граммов муки и несколько литров воды. Пока не нарушен водный обмен организма и не вступили в права голодные отеки, — они слоняются подобно страдающим мочеизнурением, чтобы выбросить бесполезную воду.

В робкой и почтительной молчаливой нерешительности, наклонившись вперед от слабости, они останавливаются перед столиком, чтобы попросить у дежурного:

— Господин врач, дайте какую-нибудь таблетку... Или капель мне что ли...

Не таблетку, так капель — от всех болезней... Они ищут «лекарство» от голода: в таблетках и каплях ищут самообмана, иллюзии, имитации пищи — что ни что — проглотить!

Кому нечего проглотить, те жуют сапожный вар, парафин или воск.

Для вкуса и запаха выклянчивают у дежурного санитаря покапать на жвачку мятную каплю — две — три...

О ты, божественный нектар, напиток богов — ипекакуана! Молочно-мутное, благоуханное сладостное пойло!.. Один больной обманул врача, не проглотив ее, а выплюнув в кружку, добавив воды и продав ее за цигарку махорки. Счастливцев! Он сильно кашлял и потому получил это нежное ароматное питье. Он продал его голодным романтикам, стремящимся к самообману, словно к осуществлению сказки о райском житье, — о непрерывной, вечной еде, заменяемой круглосуточной жвачкой...

О ты, мифическая амброзия, олимпийская пища небожителей — мясо!... Однажды, по недосмотру поваров, в котле, в черпаке и в раздаточном лазаретном бачке затерялся кусочек мяса. Он был до того незаметен и мал, что затерялся и дальше — в эмалированном палатном ведре и дальше — не попал в котелок ни фельдшера, ни санитаря, ни даже палатного старшины, а попал к больному в подобие котелка — в убогую жестяную консервную банку... Звериний крик победителя сорвался с уст счастливого — клич удивления и восторга...

Он весил самое большое — десять-двенадцать граммов — этот редкий гость в котелке голодного и обессиленного человека, но все видали, видали глаза обладателя этого сокровища — они горели алмазами — жухлые и белесые безжизненные гляделки. Они засверкали великим счастьем хищника, упившегося горячей клокочущей кровью живой добычи...

Но он не решился сам съесть сокровище... Несколько минут он в торжественном восхищении, опьяненный удачей, лишь созерцал свое счастье, облизывая губы и делая конвульсивные жевательные движения... И вот, одолев соблазн, последним остатком воли решившись на отречение, он выкрикнул на весь зал:

— Кто даст баланды за мясо?! Кому, кому мясо?!

Волшебное легендарное слово! Многие, не имея средств для покупки, всё же столпились кругом, чтобы только увидеть своими глазами свершение великого чуда... Жадной до зрелищ толпой они стояли вокруг, тесно дыша, пока богач среди всех, старшина палаты — «старшой», уплатил за сокровище и, купив его, медленно и со вкусом жевал, прищуривши веки и старался продлить наслаждение...

На другой день все с жадностью ждали продолжения чуда. Каждый надеялся, что ему, как выигрыш в лотерее-аллегри, мелькнет заветный кусочек в полупрозрачной ржаной болтушке... но чудо не повторилось...

VII

Главным занятием Урса было ненавидеть человеческий род.

В. Г ю г о

...Боже мой, как унижительно выглядят эти толпы оплеванных и растоптанных белых невольников, бывших воинов самой могучей и многочисленной армии в мире!

Словно нарочно для унижения и из презрения к ним, как предметы вооружения, к их поясам подвешены котелки для пищи... Лопаты и метлы как знамя покорного рабского труда были бы менее оскорбительны, чем

С. П. ЗЛОБИН С ТОВАРИЩАМИ ПО АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЕ
В ЛАГЕРЕ 304-Н, ЦЕЙТХАЙН

Слева направо: А. Г. Лисенков — врач; Н. П. Титов, С. П. Злобин, Н. Ф. Дементьев — члены бюро подпольной организации лагеря; Г. А. Востоков — врач

Фотография А. Л. Лесса, Москва, 1959

Собрание А. Л. Лесса, Москва

этот символ животной жратвы, чем этот знак прирученности и смирения, ослиной покорности и маленького ничтожного довольства своей подневольной и впроголодь сытой судьбы!..

Их истязают розгами и резиной, им в кровь разбивают лица, и они покорны. Их бросают в голодный карцер, они переносят и это... Единственной человеческой слабостью и отрадой этих растений, лишенных родной земли, этих бывших людей с поруганной и раздавленной честью остался затхлый дрянной табак, за который готовы они терпеть и побои и голод. Как «трубку мира» передают они изо рта в рот слюнявый газетный окурок — символ полуживотного нищего братства...

Я ненавижу все это скопище пленного сброда за то, что все они, как один, похожи на меня самого, ненавижу за общую нашу судьбу... Но когда я увидел сон, что все они умерли и лежат, разлагаясь на своих окаянных нарах, мне стало их жаль... Мне все-таки стало их жаль, и я понял, что я их люблю — оскорбленных, униженных и гонимых. Я понял, Ганна, что я, как и ты, принял любовь за ненависть...

Нет, я ненавижу не их... Я ненавижу другое племя — разбойничье племя грабителей и оскорбителей, врагов, что властвуют здесь, на нашей же, нашей же, нашей земле, и здесь же на нашей земле нас держащих в неволе, когда наши братья корчатся в судорогах, брошенные на загаженные нары. И издыхают в клозетах в последних потугах извергнуть обноски своих кишок вместе с жизнью.

Нет, я верю, я знаю, я твердо знаю, что, стиснув в один кулак все свои великие силы, наша Родина распрямится и победит оскорбителей и бандитов. Я знаю — она победит, как всегда побеждала своих врагов, но какая жестокая участь — бессилие и неподвижность!..

XI

...Доктор качнулся и клюнул носом над книгой. Он тотчас очнулся от забытья и выпрямился, протирая глаза. Мысли его уже затуманились и последние фразы он прочел механически, перед тем как отдаться дремоте. Он снова уставился в книгу и закурил. Синий дымок махорки ему защищал глаза, но куренье его развлекало и на время опять разогнало сон... Последняя, до того механически прочитанная мысль вдруг прозвучала в его голове, как набат, обожгла, как ударом плетки.

«Дезертиров презирают повсюду, — перечитывал врач. — Человек сам себя счел неспособным выполнить свой самый главный долг — любить и защищать свою родину».

Книга была «Новобранец» Эркмана-Шатриана... Врач взял карандаш и на полях отчеркнул это место.

В последнее время все книги, какую бы он ни взял, говорили с ним об одном и том же — о дезертирстве, родине, плене, бессилье и трусости. Золя, Свифт и Лермонтов, Гейне и Стерн, Л. Толстой и Горький твердили о том же, о том же...

Сначала он начал выписывать эти мысли, но их было так много, что скудных пленных ресурсов бумаги ему не хватило бы на выписки...

Книги кричали, хлестали бичом, звали и требовали выхода из создавшегося положения. Они звали к мужеству, к подвигу, к действию.

Благороднейшие человеческие сердца, величайшие умы, талантливейшие представители разных народов сходились все на одной мысли, которую сжатее всех выразил в «Фаусте» Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». — «В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, кто не находит их для себя — те просто лентяи или трусы...» — вторил ему Горький устами много любившей и много видевшей старухи-молдаванки.

«Действовать, действовать — вот для чего мы существуем!» — восклицал Фихте. И читая их по ночам у дежурного столика, доктор Вагранов отчеркивал и отчеркивал на полях эти жгучие и бичующие слова...

Его мучил плен, самый факт пленения и нарочитые унижения плена...

Но он не решался еще порвать паутину оскорблений, колючей проволоки и бдительных провокаторских глаз продавшихся по дешевке коллег.

Позор беспомощности и бессилия мучил его не меньше, чем неизвестность и мнимая гибель его в представлении любимой семьи и товарищей. От мучений и боли позора он искал себе (утешенья) надежды в беседах с другими такими же мучениками рабского позора. Он научился их узнавать по горькому оттенку улыбки, по скорбной складке у рта и особому блеску в глазах...

Другие, те, кто был беспечней в своем опозоренном существовании, — те не глядели с таким беспокойством, с таким исканием, они избегали бесед на тревожные темы и в крайних случаях, вынужденные откликнуться, только глухо вздыхали: «Что делать — судьба!», «Один в поле не воин», «Пропала Россия, нас продали, предали, нам теперь остается сидеть и ждать...»

Вагранов видел и понимал, что слабые духом могут себя утешить, внушив себе правоту этих мыслей. Но он не искал утешенья — он искал надежды на выход из плена, надежды на искупление своей вины перед Родиной в том, что много тяжелых часов для нее он провел не в рядах ее воинов, а в звериной неволе... Когда в палату к нему попал Балашов, доктор к нему привязался. Во время ночного дежурства Вагранова они иногда шептались часами, еще в марте, апреле мечтая о том, как вырвутся из-за ограды и пустятся в путь лесами...

ПРИМЕЧАНИЯ

Как видит читатель, многие из этих заметок и даже довольно большие куски текста позже в том или ином виде вошли в мою книгу «Пропавшие без вести».

Некоторые строки моих записей были бы непонятны без примечаний и пояснений, которые я и даю в меру необходимости.

¹ Это рассказ труподоносца. «Лежат шесть» — имеется в виду шесть трупов в мертвецкой. «Понесли одного» — т. е. на кладбище.

² Упавших позади этапа убивали на месте.

³ Оценка чего-либо на деньги относится только к самым первым дням плена, пока людям казалось, что на деньги что-то можно сделать. Позже была только мена.

⁴ Этот диалог стал основой моего рассказа «Чудесная встреча», опубликованного в журнале «Москва», 1963, № 2.

⁵ «Повис на проволоке», т. е. тут же был застрелен часовым.

⁶ Гитлеровцы ввели нигде неслыханное: в лазаретах больным подавали команду «смирно» при входе начальства.

⁷ «Ем. Б.» — начальные буквы имени и фамилии: «Емельян Баграмов». Эта подпись была бы понятна моей жене, которая знала, что в ряде задуманных мною и незавершенных произведений так обычно назывался автобиографический герой.

⁸ Обессиленный, в Минске я лег на землю, ждал выстрела в голову. Идти не мог. Полицейский поднял меня, с грубой бранью поволок вдоль строя и... спрятал в помещении, откуда на этапы не отправляли. Этот человек сказал, что узнал меня, что он был секретарем дивизионной газеты, в которую я приезжал на фронт. Он назвался «Иваном Быковым». Оказалось, что даже мне, кого он спас, он не решился назвать правильное имя. Такого имени среди полицеев не нашлось, когда его позже искали мои друзья.

⁹ Такие вопросы иногда задавали вновь прибывшие пленные. Это вело к их гибели: разоблаченного перебежчика пленные так или иначе приканчивали.

¹⁰ Наброски и планы романа «Утро века», над которым я работаю теперь, существовали еще до войны.

¹¹ Упомянутое в предисловии «Путешествие по временам и странам». Повесть не была переписана и потому я захватил ее с собою в одном экземпляре. Пока не найдена.

¹² Тарасевич называл себя другом семьи поэта Сидоренко. Но Н. Н. Сидоренко после войны сказал мне, что не знал человека с такой фамилией. Какое-то тут недоразумение.

¹³ Это был наивный оптимизм. Пленные бодрили друг друга слухами, что Красная Армия наступает и уже освободила Смоленск, подходит к Борисову. На самом деле до фронта тогда было около 500 км.

¹⁴ Среди пленных жила легенда, что есть люди, специально засланные в плен партией, и что они должны организовать сопротивление. Позже, в Германии, я понял, что это фантазия, и, не дожидаясь ничего «позволения», «именем партии» создал подпольную партийную организацию лагеря 304-Н.

Судя по тому, что это прощальная заметка, — незавершенная фраза, вероятно, говорила о том, что газета вышла «несколько дней назад...»

¹⁵ Сам автор в этот период был по внешности «дедушкой», с большой седой бородой, заросший волосами — настоящий деревенский «дедок». Тетрадь была зашита для побега. В случае поимки автор решил не раскрывать себя фашистам. Он прикинулся бы неграмотным «дедушкой», которому кто-то дал рукопись. Автор не ошибся: в редакции «Нового мира» поняли, чья эта рукопись. Когда автор приехал в редакцию, в рукопись уже была вложена бумажка с надписью: «Степан Злобин».

¹⁶ Героем этой незаконченной повести был Иван Балашов — талантливый скульптор, пошедший добровольно на фронт, получивший в одном из первых боев тяжелое ранение и попавший в плен. Повесть была задумана в форме «писем» Балашова, с которыми он, лежа на нарах лазарета для военнопленных, мысленно обращался к жене.